

А. Г. Гемп

ТРИБУТАРИИ И ИНКВИЛИНЫ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В период поздней Римской империи из числа лиц, юридически свободных и противопоставляемых рабам, складывалась довольно обширная группа зависимого населения, сближавшаяся в своем положении с положением рабов и являвшаяся вместе с рабами той социальной силой, которая своими революционными выступлениями привела к падению Римской империи и установлению феодального способа производства.

Несоответствие старых производственных отношений характеру производительных сил дает себя чувствовать особенно сильно в этот переходный период, когда в недрах старого способа производства зарождаются новые производственные отношения, которые должны дать простор дальнейшему развитию производительных сил. Но эти новые производственные отношения встречают упорное сопротивление со стороны того класса, который является представителем и выразителем господствующих пока старых производственных отношений. В своих попытках сохранить старые рабовладельческие производственные отношения правящий класс рабовладельцев стремится придать появляющимся новым производственным отношениям черты, характерные для еще господствующего прежнего способа производства. Рабовладельческая экономика в IV — первой половине V в. еще достаточно прочно сохраняет свои позиции и располагает возможностями в известных рамках противодействовать новым явлениям в области производственных отношений.

Нам кажется, что для указанного времени нельзя говорить только о «пережитках» рабовладения¹. Форма собственности, существующая в это время, также не дает основания утверждать, что «с начала IV века уже нельзя говорить о существовании рабовладельческой формации, о классах рабов и рабовладельцев, как об основных, определяющих классах» (там же, стр. 79). Один факт роста императорских земель с прикрепленными к ним земледельцами и сдачи их в больших размерах крупным арендаторам из земельной знати не может служить достаточным основанием для признания наличия феодальной собственности. Такая аренда лишь в отдаленной мере похожа на феодальную систему землевладения; сидящие же на земле земледельцы, как будет показано ниже, скорее похожи на государственных рабов, чем на крепостных, хотя уже и получают не-

¹ Е. М. Штаерман, Проблема падения рабовладельческого строя, ВДИ, 1953, № 2, стр. 52.

которые признаки будущих крепостных. Кроме того, в частности, отсутствует такой характерный признак начальных феодальных отношений, как ведущее место отработочной ренты — барщины, обеспечивающей обработку той части имения, которая оставалась в непосредственной хозяйственной эксплуатации магната; на ней, как правило, в рассматриваемый период работали рабы. Вместе с тем государственная власть, защищая интересы крупных земле- и рабовладельцев, стремилась свести положение этих зависимых людей к положению рабов, принизить их до положения рабов. Поэтому никак нельзя согласиться с выдвинутым Е. М. Штаерман положением, что переходный период является каким-то особым периодом, отличающимся одновременно и от рабовладельческой формации и от раннефеодального периода. Можно и следует говорить не об особом, самостоятельном периоде, а о времени возникновения новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений в недрах старого рабовладельческого строя. Особенностью экономики Римской империи IV — первой половины V в. являются именно попытки низвести юридически свободных производителей до положения рабов, правда при одновременном допущении для некоторой части рабов известной хозяйственной самостоятельности, а подчас и самостоятельности¹, что было вызвано развитием производительных сил. Не следует также преувеличивать и право на свое единичное хозяйство у зависимого непосредственного производителя, работающего на господской земле, как это делает А. П. Каждан².

В настоящей статье автор не ставит себе задачу рассмотреть всю проблему смены рабовладельческой формации феодальной в целом, однако приводимые в данной статье выводы относительно части зависимых производителей могут послужить некоторым материалом для разрешения этой проблемы.

Как отмечено, новые производительные силы властно выдвигают новые производственные отношения, которые и вступают в конфликт со старыми отношениями, вызывая революционные движения. Эти две основные тенденции в развитии общества в последние два века существования Римской империи зачастую затрудняют исследователя при решении вопроса об отнесении тех или иных представителей зависимых производителей к одной из формально остающихся до конца империи двух основных групп населения: к лицам, юридически признававшимся свободными, или к рабам. Сближение тех и других между собой зашло настолько далеко, что, повидимому, и современники (в том числе даже в законодательстве) не всегда четко их разграничивали. Это было тем более затруднительно, что такие зависимые заняли промежуточное положение между рабами и свободными, как они понимались согласно законам. Вместе с тем следует иметь в виду, что даже римская юридическая терминология не являлась строго определенной, раз навсегда установленной. Один и тот же термин мог меняться не только во времени, но даже в одно и то же время мог иметь разные значения. Так, все еще остается не вполне ясным содержание терминов «трибутарий» и «инквилин», которые применялись наряду с другими терминами по отношению к лицам из среды зависимого населения.

¹ Такое изменение положения рабов не было в рассматриваемое время основным, как это имело место в раннефеодальный период, например, в вестготском государстве, где всем вольноотпущенникам и рабам (королевским, церковным и светских землевладельцев) была предоставлена большая хозяйственная самостоятельность и где, действительно, несмотря на большое количество рабов, не приходится говорить о сохранении рабовладельческого строя — см. А. Р. К о р с у н с к и й, Рабы и вольноотпущенники в вестготском государстве VI—VII веков, «Средние века», 1953, вып. IV.

² См. А. П. К а ж д а н, Феодализация Римской империи, ВДИ, 1953, № 3.

Трибутариив обычно считают за особый разряд колонов. Так, например, Фюстель де Куланж говорит: «Звали их (колонов. — А. Г.) также *tributarii*, потому что они вносили подушную подать (*tributum capitis*)». Правда, он делает оговорку: «Один закон 371 года ясно показывает, что колон не всегда был *tributarius*»¹. Примерно то же утверждает А. Б. Ранович: «В дальнейшем финансовая политика империи закрепила подчиненное положение колонов; они подчинены не только своему господину, они превращаются в податное сословие — *tributarii, censiti, adscripticii, originarii*, а землевладелец — в нечто вроде литурга, ответственного перед государством за подчиненный ему *populus fundi, plebs rustica*»². В другом месте той же статьи, приводя указ Аркадия и Гонория (СІ, XI, 48, 33), А. Б. Ранович пишет: «*tributarii = coloni*». Насколько правильно ставить знак равенства между трибутариив и колоном даже по этому указу, увидим ниже. Сомань, относя трибутариив к разряду колонов, отмечает, однако, что признаки, присущие трибутариям, «лишают их вида свободных» и «низводят на более низкую ступень сближающую их с рабами»³.

Как известно, термин *tributarius* ведет свое происхождение от названия налога — *tributum*, взимавшегося еще в царский период с граждан на военные нужды. При этом следует подчеркнуть, что побежденный неприятель должен был покрыть военные расходы, и за счет этого *tributum* возвращался римским гражданам, перекладываясь таким образом на неприятеля. После удачных войн II в. до н. э. и в связи с огромной военной добычей римские граждане были освобождены от трибута, но взимание его в провинциях, разумеется, сохранилось. В этом происхождении термина *tributarius* и кроется появившееся противопоставление трибутариив, как лиц покоренных и потому облагаемых этим налогом, римским гражданам, свободным от него и обладавшим вообще большей свободой и независимостью, чем жители покоренных областей, ставших римскими провинциями.

Первым по времени законодательным актом, упоминающим трибутариив, является указ 319 г. императора Константина викарию Британнии Пакатиану (СІ, XI, 7, 2): «Каждый декурион должен отвечать за ту часть платежей, которая лежит на обязанности и должна собираться или с него самого, или с его колона, или с его трибутария (*unusquisque decurio pro eo portione conveniatur, in qua vel ipse, vel colonus, vel tributarius ejus conveniatur et colligit*)». В данном случае совершенно ясно, что трибутарий не отождествляется с колоном. Это вынужден был признать и А. Б. Ранович.

Следующий по времени указ — Валентиниана и Валента, относится к концу 60-х или началу 70-х годов IV в.; говоря о трибутарии и инквиллине, императоры предлагают и того и другого вернуть тому, кому он принадлежит: *Si quis etiam vel tributarius repperitur, vel inquilinus ostenditur, ad eum protinus redeat, cujus esse profitetur*. Далее в этом указе предписывается, чтобы тот, кто использовал к своей выгоде такого беглого, либо возместил ущерб, нанесенный податям (*indemnitatem sarciat tributorum*), если беглый был к о л о н, либо был бы привлечен к наказаниям, установленным законом, если беглый был р а б; если же, говорится в указе, кто-либо объявит себя свободным, сумеет это доказать, то его следует возвратить туда, откуда он родом (СTh, X, 12,2).

¹ Ф ю с т е л ь д е К у л а н ж, Римский колонат, перев. под ред. И. М. Г р е в с а, СПб, 1908, стр. 103.

² А. Б. Р а н о в и ч, Колонат в римском законодательстве IV—V вв., ВДИ, 1951, № 1, стр. 93.

³ Ch. S a u m a g n e, Du rôle de l' «origo» et du «census» dans la formation de colonat «main, «Byzantion», т. XII (1937).

А. Б. Ранович (ук. соч., стр. 92) считает, что в этом указе трибутарий отождествляется с колоном. Не сомневается в этом и Е. М. Штаерман¹. Однако имеется ряд данных, заставляющих сомневаться в этом. Некоторым основанием, говорящим против, является прежде всего титул 12-й книги X кодекса Феодосия, который озаглавлен: «*Si vagum petatur mancipia*»; мы вправе считать, что и в данном указе речь в основном идет о рабах. Вторых, оговорка «если же кто-либо объявит себя плебеем или свободным...» тоже подтверждает, что выше говорится не о свободных, а о рабах. Таким образом, на основании приведенного указа можно прийти к выводу, что термин «трибутарий» (как и «инквилин») прилагался и к рабам. Слово *colonus* в данном случае употреблено в его основном значении — «земледелец».

Примерно к этому же времени относится указ 371 г. Пробу о беглых, которые были приняты владельцем имений как лица, буд то бы самостоятельные и свободные (*quasi sui arbitrii ac liberi*) для обработки земли (СІ, XI, 48,8). Эта оговорка «*quasi... liberi*» заставляет предположить, что они на самом деле свободными не были. Такому предположению не противоречит и остальное содержание указа. Действительно, в нем разбирается несколько случаев использования беглых господином имения: в первом случае господин, используя к своей выгоде (*in lucrum suum*) «чужих беглецов», передал им для обработки поле с его (господина) семенами (*fructibus dominis*), без платы за труд. В этом случае при возвращении беглых следует взыскать подати, которые оказались потерянными для государства (*tributa, quae publicis perierunt functionibus*), с господина имения. Отметим, что, следовательно, беглые до своего перехода в частное имение платили трибут г о с у д а р с т в у, и это означало для них такую зависимость, которой не знал собственник — римский гражданин. Далее, возникает вопрос: на каких условиях работали у нового господина эти беглые? Е. М. Штаерман (ВДИ, 1952, № 2, стр. 115) считает (придерживаясь в этом отношении полностью мнения Соманя), что «беглые „получали что-нибудь от господ“ (т. е., повидимому, земельный участок) и они обрабатывали их поля, не получая платы за труд». Такое объяснение ничего не говорит. Получается, что прибывший получил поле, обрабатывает его семенами господина, не получает платы за свой труд. Но в таком случае совершенно непонятно, какой интерес был для него работать и на что он существовал? В указе говорится, что принятые господином имения *excoluerunt agros fructibus dominis profuturos sive aliqua ab isdem sibi juncta novaverunt nec mercedem laboris debitam consecuti sunt*. Очевидно, что этот земледелец получал кое-что или из урожая, или что-нибудь другое на свое содержание, размер чего не устанавливался твердо, т. е. работал, как раб-земледелец, причем на условиях худших, чем раб на пекулии.

Во втором случае поселившийся и работавший в имении отдавал часть урожая господину земли, а остальное сохранял за собой в качестве «собственного пекулия» (*proprio peculio*). В этом случае подати взыскивались с самого беглого. Так же предписывалось поступать и в том случае, если пришлый за свои труды получал установленную плату.

Но на каких бы условиях ни поселялся беглец, его следовало возвращать.

Для двух последних случаев приведено и обоснование, почему подати следует взыскивать с самих беглых: «так как ясно, что здесь — частное соглашение (*nam manifestum est privatum jam esse contractum*)».

¹ Е. М. Штаерман, К вопросу о крестьянстве в западных провинциях Римской империи. ВДИ, 1952, № 2, стр. 115.

Рассмотренный нами указ не дает никакого наименования упоминаемым в нем *proflugi* и не содержит никаких данных, по которым можно было бы заключить о социальном положении беглецов до их бегства. Из него видно лишь, что эти лица платили *tributum* и, следовательно, сидели не на частных землях крупных владельцев, а также, что они были зависимыми и прикрепленными к месту своего постоянного пребывания. Все это отличает их от обычных «колонов» того же времени; вместе с тем они и не рабы в полном смысле этого слова. Выражением их зависимого положения было *tributarius nexu*.

О *tributario nexu* говорится также и в указе 393 г. о фракийских колонах (CI, XI, 52). В нем «повинностями трибутарного характера (*nexibus tributariae sortis*)» назван поголовный налог, от которого фракийские крестьяне этим указом впредь освобождаются. При этом сказано: «а чтобы не казалось, что земледельцам, освобожденным от повинностей трибутарного характера, дана возможность переходить с места на место и уходить куда угодно, они должны удерживаться на основании права происхождения (*jure originario*)». В этом указе обращают на себя внимание слова: «и хотя пусть они кажутся свободными по состоянию, однако пусть они считаются рабами самой земли, для которой они рождены (*et licet conditione videantur ingenui, servi tamen terrae ipsius, cui nati sunt, aestimentur*)». Указ еще раз подтверждает, что сложение «трибутарных повинностей» означает какой-то видимый переход в более свободный статус.

Для крестьян Фракийского диоцеза сложение поголовной подати, освободившее их от непосредственной зависимости от государства, сопровождается подчинением владельцу земли, пользующемуся по отношению к ним «правом попечения патрона и властью господина». Непосредственная зависимость от государства сменилась зависимостью от частного лица, и только в этом смысле можно говорить о «введении колоната» во Фракии со времени указа 393 г.

Та же мысль выражена и в указе 371 г. об иллирийских крестьянах и инквилинах (CI, XI, 53, 1): «[Колоны и инквилины] должны служить землям не в силу трибутарных повинностей (*tributario nexu*), а в силу принадлежности к имени и званию (*titulo*) колонов». В этом указе, отдельно для каждой группы, определены наказания за принятие беглых: а) крестьян и инквилинов из числа трибутариев, б) рабов и в) вольноотпущенных. За прием к себе вольноотпущенника установлено наказание, как за беглого «свободного земледельца» (*liber colonus*). Из приводимой шкалы наказаний видно, что *coloni et inquilini* указа отличались по своему положению как от *liberi coloni* (т. е., по видимому, от тех, кто нес «трибутарные повинности»), так и от рабов; они занимали промежуточное положение между теми и другими. В отличие от Фракии, в Иллирии карается уход не от частного землевладельца, а из селения. Вероятно, поэтому в данном случае и не говорится об освобождении от поголовной подати.

Приведем, наконец, последний указ — конца IV в. — Аркадия и Гонория (CI, XI, 48, 12): «Мы желаем, чтобы рабы, или трибутари, или инквилины, оставались у господ; ибо когда каждый, утраченный страхом наказания, будет изгонять того неизвестного, которого он принял, то у р а б о в не будет желания бежать... Итак, если кто из указанных беглых будет обнаружен у кого-либо, удерживающий беглого пусть внесет нашему фиску 12 фунтов серебра; тому же, чей был беглый, мы предписываем вернуть беглеца или уплатить стоимость беглого по оценке»¹.

¹ *Servos vel tributarios vel inquilinos apud dominos volumus remanere, nam cum metu damni deterritus unusquisque eum, quem incognitum habuerit coepit propulsare voluntas fugiendi servis non erit... Si quis igitur ex memoratis fugitivis apud quemlibet*

В данном случае нет никакого сомнения в том, что речь идет о рабах и что *vel tributarios vel inquilinos* является в тексте определением к слову *servos*. Иными словами, здесь не три разряда людей (*servi, tributarii, inquilini*), как полагал А. Б. Ранович, а только два: *servi tributarii* и *servi inquilini*. В этом убеждает не только прямое указание, что страх наказания отнимет у рабов желание бежать, но и применение *aestimatio* — оценки беглого, которую невозможно допустить по отношению к свободному и которая применялась при невозврате в е щ и ¹.

Отсутствие других данных, кроме приведенных, не позволяет выяснить, в чем заключалась разница между *servus tributarius* и *servus inquilinus*, тем более что в V и VI вв. термин *tributarius* в законодательстве уже более не встречается. Вполне вероятно, что *servi tributarii* были оброчными рабами-земледельцами, работавшими на выделенных им земельных пекулиях, а *servi inquilini* — такими же оброчными рабами-ремесленниками ². И те и другие включались в цензовые описи, и государство было заинтересовано в том, чтобы они не перемещались ³.

Следует подчеркнуть, что все указы, в которых упоминаются трибутарии или говорится о трибутарной повинности, как и следовало ожидать, имеют в виду жителей провинции. Трибутарий — не раб, находящийся в собственности частного лица, и не государственный раб в узком смысле, оторванный от места своего *origo*. Можно высказать предположение, что он из числа тех дедитициев, которым и по эдикту Каракалы 212 г. не были предоставлены права римского гражданства. Очевидно, что распространение прав римского гражданства на больший круг населения продолжалось все время и после 212 г. С другой стороны, круг таких трибутариев-дедитициев вместе с тем пополнялся и новыми лицами. Доказательством этого могут служить многочисленные упоминания о «трибутарном положении» у Аммиана Марцеллина. Так, говоря о наказании сарматов за их набеги, Аммиан Марцеллин (XVI, 13, 2) пишет, что для них Констанцием «наказание предполагалось ограничить тем, чтобы переселить их в отдаленные пределы и тем самым отнять у них возмущенность тревожить нашу территорию. Но сами они, сознавая за собой давние провинности, опасались серьезной кары... стали просить даровать им жизнь, давая со своей стороны обещание платить ежегодную подать (*tributum annuum... spondentur*)». В другом месте рассказывается о несостоявшемся набеге варварского племени лимигантов; когда Констанций выступил против них с войском, лимиганты сочли за более благоразумное «заявить о своей готовности занять в пределах римского мира самые отдаленные земли, чтобы... нести трибутарные тяготы и имя (*tributorium onera subirent et nomen*)» (Amm. Marc., XIX, 11, 6—8). Трибутариями были сделаны также п л е н н ы е аламаны и другие варвары, поселенные Феодосием в долине реки По, которую они стали обрабатывать в качестве трибутариев (*quos tributarios ipse fecit et vectigales* — Amm. Marc., XXVIII, 5, 15). В трибутариев-дедитициев, вероятно, были превращены и готы, посаженные Валентом в окрестностях Мугины, Регия и Пармы (Amm. Marc., XXXI, 9, 4).

Во всех приведенных случаях перед нами люди, отличные от обычных *cives romani*, причем отличие это имеет основанием не зависимость прежде

fuit repertus, XII libras argenti fisco nostro inferat detentator, ipsi autem, cujus fuit, praeter eundem fugitivum alterum etiam ejusdem aestimationis inferre decernimus.

¹ Dig., XIX, 3, 1, § 1: *Aestimatio autem periculum facit ejus, qui susceperit. Aut igitur ipsam rem debet incorruptam reddere, aut aestimationem de qua convenit.*

² См. Dig., XIV, 4; XXXIII, 7, 18, § 11 и др.

³ Dig., L, 15, 4, § 5. См. также СTh, XI, 3, 2 о *mancia adscripta censibus*; из этого указа видно, что с внесенных в цензовые описи рабов требовались государственные повинности и платежи — *opera ac pensationes publicae*.

всего частнопроводного характера, как у колонов, а особое положение в системе государственных сословий. Кроме того ясно, что происхождение зависимости тех и других совершенно различно.

Как подтверждает и само законодательство, положение трибутариев во второй половине IV в. было худшим, чем италийских колонов, хотя и последние, как известно, стояли на очень низкой ступени социальной лестницы: перевод трибутариев в разряд колонов рассматривался как облегчение их участи. Чем далее, тем все более положение трибутариев и положение других разрядов зависимых сближается. Различные виды земледельцев объединяются в одну группу колонов в позднем значении этого термина, так что в начале VI в. император Юстиниан уже мог говорить о *coloni cujuscumque condicionis* (СІ, XI, 48, 20).

Наряду с колонами различных наименований в указах IV в. неоднократно упоминаются и *и н к в и л и н ы*, положение которых обычно приравнивается к положению колонов, а часто и к положению рабов.

Первоначальное и беспорное значение термина «инквилин» — съемщик жилого помещения. Так, у Аппиана читаем: «А так как Цицерон не был прирожденным римлянином, то Катилина называл его инквиллином, как зовут людей, снимающих квартиру в чужих домах» (App., BC, II, 2). В таком же значении это наименование употребляется и в Дигестах. Например, Павел разъясняет: *Si domus vel fundus in quinquennium pensionibus locatus sit, potest dominus, si deseruerit habitationem vel fundi culturam colonus vel inquilinus, cum eis statim agere* (Dig., XIX, 2, 24, § 2). Взаимоотношения между инквиллином и владельцем помещения основаны на договоре *locatio-conductio*, а претензии владельца к инквиллину осуществлялись через *actio ex conducto* (Dig., XIX, 2, 24, § 2; 2, 19, § 4). На инквиллина возлагается ответственность за сохранное состояние дома, как и на колона — за арендованный им участок. Инквиллин снимает помещение для *habitatio*, тогда как арендатор-колон занимает *fundum* для *frui*¹.

В большинстве случаев инквиллин III в. — свободный съемщик, имеющий право оставить арендованное помещение после окончания срока аренды и уплаты следуемых с него платежей. Собственник помещения в этом случае не может удерживать его и обязан освободить инквиллину имущество, бывшее в залоге. В данном случае положение инквиллина лучше, чем колона, относительно которого сделана оговорка, что запрещение удерживать залог на него не распространяется: *Hoc interdictus proponitur inquilino, qui soluto pensione vult migrare. Nam colono non competit* (Dig., XLIII, 32, 1). Судя по разъяснению Ульпиана (Dig., VII, 8, 2), инквиллины могли жить и бесплатно, т. е. не внося арендной платы как таковой. Рассматривая случай, когда дом передается в *usus*, Ульпиан говорит, что в этом случае получившему дом разрешено поселить в нем: свою *familia*, своих вольноотпущенников, *hostes*, а также принять инквиллинов. Поскольку получивший что-либо в *usus* — *fru inon potest*, надо полагать, что в этом случае инквиллины никакой платы не вносили. Кем же были эти инквиллины? Вероятнее всего, это были наемные ремесленники или иные работники, обслуживавшие хозяина своим трудом в той или иной области. Ульпиан говорит, что хозяин может жить *cum his, quos loco servorum in operis habet... licet liberi sunt vel servi alieni* — «с теми, кто у него работает вместо рабов... будь они свободные люди или чужие рабы» (там же, 4). Эти лица входили в состав *familia*, в которую включались все, *qui in servitio sunt, etiam li-*

¹ *Qui fundum fruendum vel habitationem alicui locavit, si aliqua ex causa fundum vel aedes vendat, curare debet, ut apud emptorem quoque eadem pactione et colonus frui et inquilinus habitari liceat* (Dig., XIX, 2, 25, § 1). Повидимому, аренда *fundus* могла относиться лишь к находящимся в нем *aedificia*, без *ager*, поскольку «...*ager cum aedificio „fundus“ dicuntur*» (Dig., L, 16, 211).

beri homines, qui ei (domino) bona fide servunt, а также все, кто in potestate ejus sunt (Dig., XXI, 1, 25; XLIII, 16, 1).

Таким образом, термин «инквиллин» применялся в III в.: 1) к лицам свободным, sui juris, съемщикам по договору между равноправными сторонами и 2) к лицам зависимым, находившимся in potestate patris familias. В этом отношении перед нами полная аналогия с колонами. На бесспорное существование этих двух групп инквиллинов не обратил внимания ни один исследователь, несмотря на то, что они выступают достаточно ясно. Если принять во внимание эту разницу, становится понятным и разъяснение Марциана (Dig., XXX, 112), вызывавшее недоумение у многих историков и приведшее, в частности, к спору между Эмбером (Humbert) и Фюстель де Куланжем. Марциан пишет: «Если кто-либо завещает инквиллинов без имений, к которым они прикреплены, завещание недействительно (si quis inquilinos sine praediis, quibus adhaerent, legaverit, inutile est legatum)». Эмбер считал, что Марциан имел в виду инквиллинов-рабов, тогда как Фюстель де Куланж видел в них свободных съемщиков, ссылаясь на «все остальные случаи» Дигест, в которых термин инквиллин понимается именно в этом смысле. Оказывается, неправы они оба. Эмбер неправ потому, что, действительно, в Д и г е с т а х под инквиллинами никогда не подразумеваются рабы. Но неправ и Фюстель де Куланж, который не заметил среди инквиллинов Дигест людей, хотя и свободных юридически, но вместе с тем находившихся in loco servorum. Было бы невозможно говорить о вполне свободных, независимых и имеющих право после срока аренды уйти, куда хотят, инквиллинах, что они «привязаны (adhaerent)» к имению, а тем более — о передаче их по завещанию.

Зависимые от pater familias инквиллины вносились в цензовые списки при описи имений. Было указано, что тот, кто не покажет инквиллина, «должен быть заключен в цензорскую тюрьму (vinculis censualibus teneretur)» (Dig., L, 15, 4, § 8). Инквиллины и колоны, заносимые в цензовые списки, были теми, кто составлял постоянное население имений и не имел возможности покидать его по своему желанию; они были приписаны к имению по признаку происхождения (origo). Об этом говорит указ Валентиниана и Валента 366 г.: «Пусть правители провинций заставят возвратиться к старым пенатам, где занесены в цензовые списки, а также выросли и родились, всех без исключения беглых приписных (adscripticios) колонов или инквиллинов, без различия пола, обязанностей и состояния» (CI, XI, 48, 6). В то время как колоны работали в имении в качестве земледельцев, инквиллины были, очевидно, заняты на разных других работах: ремесленных, по охране имения и т. п. Инквиллины в данном случае не были conductores, т. е. арендаторами, взаимоотношения которых с владельцем имения определялись двухсторонним договором locatio-conductio (как в Inst., III, 22). Таких же инквиллинов имел в виду и указ 371 г., касающийся Иллирии, по которому инквиллины вместе с колонами освобождались от трибутарных повинностей. Для них нет необходимости предполагать постепенный переход в зависимое положение; они в нем были с самого начала¹.

Повидимому, по аналогии с лично свободными по закону, но зависимыми инквиллинами-ремесленниками, в некоторых случаях инквиллинами называли и рабов, используемых на тех же работах, как это мы видели в приведенном выше указе 390 г. (CI, XI, 48, 12). Ими могли быть и перечисленные Павлом (Dig., XXXIII, 7, 18) ремесленники, хотя в данном разъяснении они и не названы инквиллинами; Павел вполне определенно назвал их mancipia, причем особо отметил: at si qua consulto in fundo congesta contractave sunt... ea non videtur legata esse.

¹ См. Е. М. Штаерман, Рабство в III—IV вв. в западных провинциях Римской империи, ВДИ, 1951, № 2, стр. 91.

Непонятно и мало обосновано мнение А. Б. Рановича: «Позднее *inquilinus* стало обозначать и мелких землевладельцев (разрядка моя.— А. Г.) арендаторов... Повидимому, инквилин в IV в.— вольный поселенец (не всегда из трибутариев), занимающий господскую землю, как колон, но (теоретически) по договору, хотя и одностороннему» (ук. соч., стр. 92—93). Прежде всего, ниоткуда нельзя заключить, что инквиллины были земледельцами и «занимали господскую землю»; далее, по А. Б. Рановичу получается, что вся разница между колоном и инквиллином была лишь в том, что инквилин заключал какой-то «односторонний» договор. Неубедительно и соображение Тутэна относительно инквиллинов африканских имений II в.; он называет их «свободными сельскохозяйственными поденщиками», нанимаемыми колонами «на время главных сельских работ, которых колоны не могли обеспечить сами со своими рабами»¹.

Судьба тех лиц из называемых инквиллинами, которые были зависимы от *pater familias*, в дальнейшем претерпевает те же изменения, что и колонов — бывших арендаторов. Они со второй половины IV в. попадают во все большую зависимость и делаются все более бесправными, сближаясь, как и колоны, в своем положении с рабами. Как мы видели, инквиллины «приписываются к имению» (CI, XI, 48, 6); их уже считают «принадлежащими» господину (CTh, X, 12, 2); для них, как и для колонов, устанавливается признак *origo* (CI, XI, 48, 6; XI, 48, 13; XI, 53); на них одновременно с колонами распространяется установленный указом Гонория и Феодосия тридцатилетний срок давности (CTh, V, 18, 1). С начала V в. инквиллины, колоны и рабы сливаются в одну бесправную массу и перечисляются обычно вместе². По новелле Либия Севера (461—465) инквилин — раб: *Si quis vel qua ex corporibus publicis vel ex corporatis urbis Romae servis vel colonis se crediderint copulandos, agnationem eorum ad eos dominos pertinere, quorum inquilinus vel colonus fuisse constiterit* (Nov. 2, § 1).

Что касается тех из называвшихся инквиллинами, которые были *sui juris*, то они, повидимому, оставались свободными все время и впоследствии. Косвенным свидетельством этого может служить сопоставление колонов и инквиллинов в *Lex romana Wisigothorum* (*Breviarium Alaricianum*), изданном в 506 г.: *Distat inter inquilinos et colonos, quod inquilini sunt qui alterius terram incolunt, sed non in ea perpetuo durant, sed migrant de loco ad locum. Coloni vero colunt alterius terram quasi suam, sed non migrant*³. Как следует из приведенного текста, инквиллины имеют право *migrare*, которого не предоставлено колонам; при этом сказано, что колоны чужую землю *обрабатывают* (*colunt*), а инквиллины на ней *жиют* (*incolunt*). Следовательно, и в начале VI в. инквилин мог не быть земледельцем, прикрепленным к земле, хотя не исключена возможность, что он мог быть временным сельскохозяйственным работником.

Выводы о том, что в IV—V вв., несмотря на зарождающиеся элементы будущих феодальных отношений, рабовладельческий строй в Римской империи продолжает удерживаться и что политическая и правовая надстройка еще до известной степени успешно борется за сохранение рабовладельческих отношений, вытекают не только из анализа положения рассмотренных двух групп зависимых; однако и этот анализ помогает разрешению проблемы смены рабовладельческого строя феодальным.

¹ J. Toutain, L'inscription d'Henchir Mettich, «Nouvelle revue historique de droit français et étranger», 1897, стр. 388.

² В CTh книга V озаглавлена «De fugitivis colonis, inquilinis et servis».

³ Цитируется по Ed. Beaudoain, Les grands domaines dans l'empire romain «Nouvelle revue historique du droit français et étranger», 1897.